

ЗАЩИТА ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СОГЛАСНО ПУНКТУ 1 СТАТЬИ 302 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2014 г. Светлана Анатольевна Иванова¹,
Вячеслав Александрович Савельев²

Предметом настоящей статьи является критический анализ нормы, установленной п.1 ст. 302 Гражданского кодекса РФ об ограничении права виндигировать вещь её собственником.

В отечественной цивилистической литературе указанной норме ГК РФ уделяется значительное внимание. При всем многообразии выдвигаемых точек зрения подавляющее их большинство объединяет общая платформа защиты прав добросовестного приобретателя имущества от неуправомоченного лица. Законные интересы собственника имущества, лишенного его неправомерными действиями лица, “которое не имело права его отчуждать”, сочувствия у ученых-цивилистов не вызывают. Например, “если у самого собственника имущество первоначально было по его воле (например, было им сдано в наем, а затем незаконно продано нанимателем третьему лицу), оно не может быть им истребовано, поскольку он допустил оплошность, неосмотрительность в выборе контрагента, и собственник должен нести невыгодные последствия своих действий. Ведь добросовестный приобретатель, в отличие от собственника, действует субъективно безупречно”³. Эти и подобные в высшей степени странные рассуждения являются оправданием нормы п. 1 ст. 302 ГК РФ, приводящей по существу к несправедливому и необоснованному отказу от защиты законных интересов собственника имущества в пользу “субъективно безупречного” добросовестного приобретателя. Не понятно, почему цивилисты, анализирующие п. 1 ст. 302 ГК РФ, обращают внимание на качество добросовестности приобретателя вещи и отказывают в праве на добросовестность собственника вещи?

Получается, что свобода собственника (даже если имущество первоначально было по его воле) серьезно ограничивается и превращается в его некую обязанность поступать “правильно” (не допускать ошибок и быть осмотрительным в выборе участников правоотношений).

Возникает обоснованный вопрос: чем же обусловлен приоритет прав добросовестного приобретателя вещи над правами ее собственника, лишенного своего имущества в результате неправомерной сделки? Разве ст. 36 Конституции РФ не гарантировала охрану законом права частной собственности?

Попытаемся разобраться в этом вопросе и прежде всего рассмотрим аргументацию адептов приоритетной защиты прав добросовестного приобретателя вещи. Их аргументы можно условно разделить на три категории. Первая из них, повторяющаяся у всех без исключения ученых-цивилистов, носит внеправовой (экономический) характер, как-то: “развивающийся торговый оборот с его постоянным и быстрым переходом товаров из рук в руки потребовал отмены излишних формальностей при заключении сделок... В ряде случаев это приводило к тому, что лицо добросовестно приобретало имущество от неуправомоченного отчуждателя. Предоставление в подобной ситуации защиты собственникам могло бы подорвать все прогрессивные достижения в области оборота. Таким образом, необходимость обеспечения стабильности и безопасности торгового оборота требовала при определенных условиях, вопреки интересам собственника, защиты добросовестного приобретателя...”⁴.

Итак, законные интересы собственника имущества должны быть принесены в жертву “стабильности и безопасности торгового оборота”. Почему теоретики-цивилисты (не экономисты!) демонстрируют готовность усилить “прогрессивные достижения в области оборота”, даже

¹Заместитель первого проректора по учебной и методической работе, заведующая кафедрой гражданского права Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: ivanovasa1@yandex.ru).

²Профессор кафедры гражданского права того же университета, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ (E-mail: VASavelyev@fa.ru).

³Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. М., 1993.

⁴Тузов Д.О. К вопросу об основании приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя. Сб. “Гражданское законодательство Республики Казахстан”. Вып. 15. Алматы, 2003. С. 111.

отказавшись от защиты законных интересов собственника, т.е. от принципа неприкосновенности собственности, остается непонятным.

В свою очередь, представляется, что экономические факторы не могут и не должны деформировать основополагающие принципы права.

Не может быть приемлемым для общества товарный оборот, базирующийся на создании имущественных благ, исходящих из неправомерных сделок, поскольку собственник, извлекая из своей собственности доход, участвует таким образом в экономических отношениях, пополняя свое благосостояние, и так как собственность является тем объектом, использование которого дает человеку возможность без вмешательства государства самостоятельно решать жизненные проблемы. Чем больше будет собственников, тем, по всей видимости, меньше лиц, нуждающихся в социальной помощи государства. Однако для реализации этих целей и задач собственник должен быть защищен государством эффективными правовыми механизмами защиты.

Второй аргумент при рассмотрении вопроса о приоритетной защите добросовестного приобретателя имущества от неуправомоченного лица связан с использованием ряда положений классического римского права. Действительно, в римском частном праве рассматривался вопрос о приобретении имущества от несобственника, и было создано несколько важных правил, касающихся статуса добросовестного приобретателя (покупателя).

Правда, римское частное право классической эпохи, в отличие от права современного, в том числе и российского, базировалось на безусловной и приоритетной защите прав собственника имущества против третьих лиц, включая и добросовестного приобретателя. Приведем два принципиальных фрагмента из Дигест Юстиниана. Первый принадлежит Ульпиану: "...можно требовать (вещь) от всех, кто держит и имеет (*qui tenent et habent*) вещь и может ее отдать" (Диг. 6.1.9). Второй Дигест – высказывание принадлежит юристу Павлу: "...мы будем защищать виндикационным иском то, что является нашим, т.к. нам необходимо остерегаться, чтобы собственность не покинула нас" (Диг. 6.1.66). В римском виндикационном процессе не требовалось выяснения вопроса о добросовестности приобретения спорной вещи владельцем. Однако уже в римском праве для защиты добросовестных приобретателей в отдельных случаях допускалось специальное юридическое средство – эксцепции (возражения) против виндикации собственника

вещи. "Не относится к делу вопрос о том, по какой причине он (приобретатель. – *Авт.*) владеет, – подчеркивал тот же Ульпиан, – когда я доказал, что вещь моя (*meam esse*), то владельцу будет необходимо отдать вещь, если он не противопоставит какой-либо эксцепции" (Диг. 6.1.9). Эксцепции позволяли ответчику в виндикационном процессе противопоставить предъявленному иску собственника какое-либо утверждение о факте или о праве, которое могло в отдельных случаях оградить претензию истца или парализовать её. К числу наиболее известных в римском праве эксцепций относилась *exception rei vendita et tradita* (возражение о проданной и переданной вещи), успешно применявшаяся преторским приобретателем вещи против виндикационного иска недобросовестного гражданского собственника. Отметим, однако, что в римском классическом праве специальной эксцепции о "добросовестном" приобретателе не существовало.

Дело в том, что проблема повышенной защиты добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного лица, актуальная для современного гражданского законодательства и, соответственно, для цивилистической доктрины, для римского частного права актуальной не была. Напомним, что в праве классического периода основная и наиболее распространенная обязательственно-правовая форма распоряжения вещами – купля-продажа (*emptio-venditio*) не требовала для своей правомерности переноса права собственности покупателю, в отличие от европейского современного законодательства (ст. 1583 и 1599 ФГК; § 433 BGB; ст. 454 ГК РФ). По римскому праву купля-продажа являлась правомерной, даже если продавец не обладал правом собственности на вещь. Дигесты Юстиниана содержат множество казусов, в которых упоминается о приобретении вещи покупателем от несобственника. Никаких сомнений в правомерности таких сделок у римских классических юристов, как правило, не возникало. Обобщил эту практику Ульпиан, прямо указавший: "Нет сомнения, что можно отчуждать чужую вещь; ибо есть купля и продажа, но вещь может быть изъята у покупателя" (Диг. 18.1.28).

Исходя из изложенного, можно констатировать, что в римском частном праве не возникало в качестве типической и требующей особого теоретико-правового осмысления классическими юристами ситуации с защитой добросовестного приобретателя имущества от неуправомоченного лица. При возникновении в отдельных случаях подобные ситуации разрешались стандартным виндикационным иском собственника вещи к добросовестному приобретателю и при отсут-

ствии обоснованной эксцепции последнего – его иском к продавцу в связи с эвикцией вещи.

В теории римского права также уделялось большое внимание и категории добросовестного приобретателя (покупателя). Этот вопрос серьезно рассматривался римскими классиками. Формируя конструкцию добросовестного приобретателя, римская юриспруденция создала несколько теоретически важных правил.

В частности, было установлено, что для квалификации добросовестности приобретения (покупки) вещи не имеет значения мотивация продавца вещи: “...не всякая покупка идет на пользу, – подчеркивал Ульпиан, – но лишь та, которая произведена добросовестно; хотя бы я купил не у собственника, пусть даже продавец продал вещь с лукавым намерением, – ведь умысел продавца не может принести мне (приобретателю. – *Авт.*) вреда” (Диг. 6.2.7.11). На этом основании была создана следующая юридическая схема, сформулированная Гаем: “Но он сам (недобросовестный приобретатель. – *Авт.*) не может приобрести эту вещь по давности владения, поскольку понимает, что владеет чужой (вещью) и поэтому владеет недобросовестно. Но если он передаст (вещь) другому, добросовестно получающему владение, тот сможет приобрести ее по давности (*usucapere*), поскольку владение не приобретено насильственно или тайно” (Диг. 41.3.38). Это римское правило, по-видимому, можно считать отчасти своеобразным юридическим предшественником нормы п. 1 ст. 302 ГК РФ.

Римское право создало основу конструкции добросовестного покупателя (приобретателя) вещи от несобственника и сформулировало несколько важных правил, ее обеспечивающих. Юристу Модестину принадлежит следующая формула: “Считается, что добросовестным покупателем является тот, кто не знал, что данная вещь – чужая, или считал, что тот, кто продал ему (вещь), имеет право продажи...” (Диг. 50.16.109). Весьма важное правило принадлежит Ульпиану: “...передача купленной вещи должна совершаться добросовестно... И никто не должен думать, будто мы полагаем, что достаточно **в начале передачи** (вещи) не знать, что вещь чужая..., ибо мы считаем, что и **после** (передачи) надлежит быть добросовестным приобретателем” (Диг. 6.2.7.17).

Наконец, важные идеи по конструкции добросовестного покупателя (приобретателя) мы находим у юриста Павла: “Владеет в качестве покупателя тот, кто действительно покупает, и недостаточно того, что он только имеет мнение, на основании которого считает, что он владеет

в качестве покупателя, но также должно быть в наличии основание купли (*causa emptio*)... Почему же, если я считаю, что совершил продажу и передам (вещь), ты не приобретешь ее по давности? Конечно, потому, что в других контрактах достаточно (принять во внимание) момент передачи (вещи)... Но при купле-продаже принимается во внимание и момент заключения (договора): итак, надо и куплю совершать добросовестно, и быть добросовестным приобретателем владения (вещью)...” (Диг. 41.4.2.pr). Таким образом, уже в римском классическом праве отчетливо различалось качество добросовестности покупателя на момент заключения купли-продажи, и договор признавался в этом случае правомерным, и качество добросовестности приобретателя вещи как на момент передачи вещи от продавца к покупателю, так и после ее передачи. В этом случае приобретатель вещи, получив дополнительные сведения о порочном статусе купленной вещи, терял качество добросовестного приобретателя и не мог приобрести ее по давности.

Наконец, третий аргумент, приводимый сторонниками повышенной защиты добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного лица, – это ссылки “на правовой опыт мировой цивилизации” и признание его “практически всеми современными правовыми порядками”⁵.

Действительно, европейские гражданские кодексы, начиная со старейшего французского и включая германский и современный итальянский, защищают права добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного лица (ст. 2279 ФГК; § 932 BGB). Подчеркнем, однако, что повышенная защита прав такого приобретателя распространяется в европейских кодексах лишь на приобретателей движимых вещей. Для целей коммерческого оборота такой защиты вполне достаточно. А вот собственники недвижимости в европейских странах вправе предъявлять виндикацию к любому лицу. Например, согласно § 985 BGB “собственник может потребовать от владельца возвращения (выдачи) вещи”. Как отмечают современные исследователи германского права, “здесь не разграничиваются незаконное владение и владение добросовестного приобретателя...”⁶. Таким образом, если следовать опыту европейского законодательства, п. 1 ст. 302 ГК РФ должен быть ограничен категорией движимых вещей. Приходится

⁵ Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. М., 1997. С. 447; Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М., 2007. С. 151, 152.

⁶ Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 419.

признать, что составители отечественного ГК при подготовке текста п. 1 ст. 302 не сочли удобным использовать опыт европейского права и распространили действие указанной нормы ГК РФ не только на движимые вещи, но и на недвижимость, создав таким образом уникальную юридическую конструкцию, позволяющую “оптимизировать” различные схемы с недвижимыми вещами (землей, квартирами).

С учетом изложенного обратимся непосредственно к рассмотрению отдельных элементов юридической конструкции п. 1 ст. 302 ГК РФ.

Для оценки юридической конструкции анализируемой статьи ГК РФ очень важно четко определить характер волевого отношения собственника не только к первому факту выбытия вещи из его владения, но и ко второму юридическому факту – акту неправомерного отчуждения его вещи третьему лицу. Ученые-цивилисты, комментирующие п. 1 ст. 302 ГК РФ, как правило, ограничиваются констатацией добровольности передачи собственником вещи во временное владение и пользование (например, в аренду) и далее не анализируют волевого отношения собственника к основному событию, смоделированному нормой рассматриваемой статьи ГК РФ: неправомерному отчуждению вещи лицом, которому имущество было передано лишь во временное пользование (владение), т.е. к заведомо неправомерному акту. Разве собственник вещи “знал или мог знать”, что другая сторона злоупотребит полученным добровольно правом на вещь?

Между тем очевидно, что собственники, заключая законные договоры (аренды, ссуды и т.п.), связанные с добровольной передачей имущества во временное пользование (владение), вправе рассчитывать только на правомерные действия других лиц и не могут (не обязаны) предполагать их дальнейших неправомерных действий. Если это так, тогда необходимо признать, что при возмездном отчуждении имущества собственника лицом, “которое не имело права его отчуждать”, происходит выбытие этого имущества “помимо воли” собственника. Это, в свою очередь, существенно меняет общую правовую оценку положения собственника имущества по п. 1 ст. 302 ГК РФ и расширяет его правовые возможности по vindкации своего имущества. Это важно осознать законодателю и судам. Необходимо закрепить более точные и реалистичные формулировки указанных норм ГК РФ.

Эффективному развитию экономических и социальных отношений, как это подтверждается совокупным историческим опытом России и за-

рубежных стран, оказывает содействие такой концептуальный подход к конструкции права собственности, при котором это право по своей сути и содержанию является равным для всех субъектов. Так почему же собственнику вещи законодатель отказывает в “равенстве прав” с “добросовестным приобретателем” и явный приоритет отдает последнему?

Предоставление в законодательном порядке необоснованных преимуществ отдельным субъектам права собственности неизменно приводило и приводит, как свидетельствует опыт истории, к снижению темпов экономического и социального развития, застою, стагнации, возрастанию социального напряжения и усилению противостояния в обществе.

Критического анализа требует также вопрос о статусе добросовестного приобретателя имущества. Современные отечественные исследователи явно симпатизируют добросовестному приобретателю, считают его позицию “субъективно безупречной” и даже пытаются обосновать приобретение им права собственности на имущество, полученное в результате неправомерной сделки.

Отдельный пункт (3.4.5) Концепции⁷ посвящен необходимости сформулировать полноценные правила о приобретении права собственности добросовестным приобретателем. Добросовестный приобретатель, по мнению разработчиков Концепции, признается собственником приобретенного им по сделке движимого имущества, пока не доказано обратного. Право собственности добросовестного приобретателя считается возникшим с момента приобретения имущества, в том числе в случае отказа собственнику в иске об истребовании имущества из владения добросовестного приобретателя. Добросовестный приобретатель признается собственником приобретенного им по сделке недвижимого имущества с момента государственной регистрации его права собственности, если не доказано, что собственником является иное лицо.

Необходимо рассмотреть данные положения Концепции. Не понятно, на каком основании разработчики утверждают, что добросовестный приобретатель имущества (приобретенного неправомерно) признается его собственником? Подобные утверждения, к сожалению, не способствуют укреплению права частной собственности в

⁷См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

России. В данном случае мы стоим на позиции, что такой приобретатель вообще не является и не может быть собственником!

Итак, по нашему мнению, приобретатель имущества “у лица, которое не имело права его отчуждать”, может считаться добросовестным только в ограниченных ситуациях, в частности если имущество, полученное им, является движимым. Действительно, на практике установить легитимную судьбу передаваемых движимых вещей крайне затруднительно (кроме отдельных категорий, например, автотранспортных средств). И здесь известное германское правило *Hand muss Hand wahren* (рука должна предостерегать руку), действующее в германском торговом обороте, вполне уместно и допустимо. Что же касается вещей недвижимых (земельных участков, жилых домов, квартир), требующих комплекса обязательных документов, в том числе документов от государственных (муниципальных) органов, то квалификация приобретателя такого вида имущества, полученного в результате неправомерной сделки, как добросовестного крайне проблематична. Есть все основания применить к нему формулу известного отечественного цивилиста как “допустившего неосмотрительность в выборе контрагента”.

Весьма интересной представляется судебная практика применения п. 1 ст. 302 ГК РФ за последние годы⁸. Приведем наиболее яркие примеры за 2012–2013 гг.

Пожалуй, самой интересной судебной трактовкой п. 1 ст. 302 ГК РФ является определение Санкт-Петербургского городского суда № 33-2081/2013 от 14 марта 2013 г.⁹, согласно которому следует различать **волю на совершение сделки** по передаче владения и **волю, направленную непосредственно на передачу владения**.

⁸ См., например: постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2011 г. № 18АП-12429/2011 по делу № А47-6021/2011; от 2 ноября 2011 г. № 18АП-10706/2011 по делу № А76-15382/2009; от 27 декабря 2010 г. № 18АП-11692/2010 по делу № А76-8392/2010; постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2011 г. по делу № А57-1128/2011; постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2010 г. по делу № А52-5844/2009; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 ноября 2010 г. № 09АП-27161/2010 по делу № А40-46681/10-40-392.

⁹ Суд сослался на п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав”.

Только вторая, по мнению суда, имеет значение для применения правила п. 1 ст. 302 ГК РФ. Причем согласно вышеназванному определению оценка воли, направленной непосредственно на передачу владения, связана с обстоятельствами, при которых состоялось выбытие вещи из владения, а не с обстоятельствами, сопутствовавшими заключению договора, и, соответственно, не зависит от его квалификации как действительного или недействительного.

В соответствии с определением Свердловского областного суда от 26 февраля 2013 г.¹⁰ по смыслу п. 1 ст. 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения помимо его воли¹¹.

Согласно постановлению Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2013 г. по делу № А57-16098/2012 суд, разъясняя порядок применения ст. 302 ГК РФ и ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П, отметил, что права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного п. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ. Такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска, если для этого имеются те предусмотренные ст. 302 ГК РФ основания, которые дают право истребовать имущество и у добросовестного приобретателя (безвозмездность приобретения имущества добросовестным приобретателем, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли и др.).

В соответствии с решениями Арбитражного суда Свердловской области от 11 января 2013 г. по делу № А60-44700/2012 и от 25 октября 2012 г. по делу № А60-32694/2012 определение добросовестного приобретателя вытекает из содержания ст. 302 ГК РФ: добросовестным приобретателем является *лицо, которое, приобретая имущество, не знало и не могло знать о правах других лиц* (курсив наш. – С.В., И.С.) в отношении этого имущества. В приобретательной давности добросовестность означает, что, даже если владение незаконно, давностный приобретатель в момент начала владения не только не знал, но и не мог знать о незаконности своего владения. Право

¹⁰ Документ опубликован не был.

¹¹ Постановлением Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 19 июня 2013 г. по делу № А57-16098/2012. Данное постановление оставлено без изменения.

собственности на недвижимое и иное имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает у лица, приобретшего это имущество в силу приобретательной давности, с момента такой регистрации. Лицо, ссылающееся на давность владения, может присоединить ко времени своего владения все время, в течение которого этим имуществом владел тот, чьим правопреемником это лицо является.

Следовательно, судам следует тщательно и строго проверять обоснованность доводов добросовестного приобретателя по этому важному критерию (*не знал и не мог знать о правах других лиц*). Добросовестный приобретатель должен убедительно доказать, что предпринял все необходимые юридические действия по проверке прав отчуждателя.

Согласно постановлению ФАС Волго-Вятского округа от 21 ноября 2012 г. по делу № А43-41067/2011 по смыслу п. 2 ст. 302 ГК РФ добросовестное приобретение возможно только в том случае, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество. Последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения (виндикация).

В соответствии с постановлением Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2012 г. по делу № А66-12966/2011 суд, ссылаясь на п. 1 ст. 302 ГК РФ, разъяснил, что виндикационное требование может быть заявлено лицом, являющимся собственником спорного имущества, но фактически не владеющим им, к лицу, в фактическом владении которого находится вещь, и данное требование, заявленное к добросовестному приобретателю, подлежит удовлетворению в случае выбытия имущества из владения собственника помимо его воли.

В решении Арбитражного суда Свердловской области от 6 ноября 2012 г. по делу № А60-33132/2012 суд, разъясняя порядок применения п. 1 и 2 ст. 302 ГК РФ и ссылаясь на п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г., отметил, что виндикационный иск является иском об оспаривании зарегистрированного права собственности на недвижимое имущество, удовлетворение которого необходимо и достаточно для погашения записей в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) о праве ответчика и восстановления записей в ЕГРП о правах истца.

Наконец, в соответствии с постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 июня 2012 г. № 18АП-5429/2012 по делу № А07-1855/2012 отмечается, что из содержания п. 1 ст. 302 ГК РФ следует, что, если судом при рассмотрении спора об истребовании имущества из чужого незаконного владения будет установлено, что ответчик не является добросовестным приобретателем, т.е. приобретателем, который не знал и не мог знать о том, что лицо, у которого приобретено это имущество, не имело права его отчуждать, вопрос о том, было ли имущество из владения истца помимо его воли, не имеет правового значения. **Только при установлении обстоятельства добросовестности ответчика суд должен приступить к разрешению вопроса о том, утеряно ли имущество собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.**

Резюмируя имеющуюся в нашем распоряжении судебную практику по применению п. 1 ст. 302 ГК РФ, можно отметить несколько моментов.

Судебная практика обоснованно различает **волю собственника вещи по совершению сделки** по передаче владения и **волю, направленную непосредственно на передачу владения**. Только вторая имеет, по мнению суда, значение для применения правила п. 1 ст. 302 ГК РФ. Судебная практика, на наш взгляд, дифференцирует понимание юридической конструкции указанной статьи, однако суды, к сожалению, не делают ясного и четкого окончательного анализа применения данной нормы.

В ряде судебных решений подчеркивается необходимость доказывания собственником факта выбытия имущества из его владения помимо его воли. Судам следует более внимательно относиться к этому моменту и жестко ограничивать первоначальную волю собственника, добровольно передавшего свое имущество во временное пользование, и несанкционированное собственником неправомерное перемещение имущества так называемому “добросовестному” приобретателю.

При этом добросовестный приобретатель ничего не должен доказывать. Налицо неравное правовое положение двух собственников, что противоречит Конституции РФ (об этом было сказано выше).

Судебная практика за 2012–2013 гг. сформировала, на наш взгляд, несколько неверных уста-

новок, которые допускают, что добросовестный приобретатель не обязан знать о незаконности своего приобретения, а предыдущий собственник был обязан предвидеть последствия своих действий. Таким образом, фактически два субъекта частного права ставятся заведомо в неравные условия (неравное правовое положение), при которых одного (добросовестного приобретателя) закон приоритетно защищает, другого (законного собственника) изначально не защищает, и он должен в суде сам доказывать недобровольность утраты своего права собственности.

Подводя итоги рассмотрению юридической конструкции п. 1 ст. 302 ГК РФ, следует признать необходимость её серьезной доработки. Прежде всего её следует привести в соответствие с аналогичными нормами европейских гражданских

кодексов (например, § 932 BGB) и ограничить её сферу только категорией движимых вещей.

В отношении недвижимых вещей не должно быть ограничено законом право собственника на виндикационный иск. В этом случае могут быть пресечены многочисленные мошеннические схемы с недвижимостью, с успехом использующие сегодня норму п. 1 ст. 302 ГК РФ. В отношении движимых вещей указанная юридическая конструкция должна быть сбалансирована с учетом прав не только добросовестного приобретателя имущества, но и его собственника.

Охрана законом права частной собственности в соответствии с ч. 1 ст. 35 Конституции РФ должна стать более эффективной после серьезной и вдумчивой модернизации нормы п. 1 ст. 302 ГК РФ.